УДК 34
DOI 10.36511/2078-5356-2019-4-12-26

Калинин Сергей Артурович
Sergey A. Kalinin

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права

Белорусский государственный университет (220030, Республика Беларусь, Минск, пр. Независимости, 4)

candidate of sciences (law), associate professor, head of chair of the department of theory and history of state and law

Belarusian state university (4 Nezavisimosti av., Minsk, Republic of Belarus, 220030)

E-mail: Kalinin@bsu.by

Методология юриспруденции в контексте парадигм научной рациональности

Methodology of jurisprudence in the context of the paradigm of scientific rationality

В статье рассматриваются методологические проблемы юриспруденции, обусловленные сменой парадигм научной рациональности и соответствующие уровню концептуальных структур. Для данного уровня характерны проблематика осмысления качественной эволюции познания, а также обращение к более абстрактному, нежели предметный, уровню осмысления реальности. Названный уровень, как правило, именуемый философским, может основываться на двух генетически различных аксиомах, а именно философии, включая философию изучаемого феномена, а также философии и эпистемологии науки. При этом различие исходных аксиом детерминирует различие конечных выводов при кажущемся терминологическом подобии. В настоящее время философия в юриспруденции в основном представлена постмодернизмом; философия права осуществляет поиск демаркационной линии между философско-правовым и теоретико-правовым знанием; сложившаяся в рамках естественных наук философия и эпистемология науки направлена на анализ оснований моделей научной рациональности, применимых в том числе и к социогуманитарной сфере.

В юриспруденции дистанцирование от классической рациональности представлено двумя основными направлениями: преодолением классической рациональности и обращением к синергетике и нелинейной динамике. Для понимания права достаточно выделения классического и постклассического типа рациональности, в то время как для сопряженного с проблемами социального управления познания государства необходимо выделение классического, неклассического и постнеклассического типов рациональности. Постнеклассическая парадигма (синергетика) позволяет рассматривать бытие уникальных (исторических), открытых, неустойчивых, нелинейных, иерархичных, динамических, сложных, аттрактивных, саморазвивающихся, субъектных систем, включенных в социокультурный контекст, находящихся в условиях внешнего хаоса и взаимодействующих с иными субъектами и субъектными системами. В результате государство и право осмысливаются как динамические органические саморегулирующиеся неравновесные системы, а в предметное поле юриспруденции включаются идеи философии, нелинейной динамики и математического моделирования эволюционных и катастрофических процессов, что трансформирует объект и предмет правоведения и включает в него ряд качественно новых методологических установок.

Ключевые слова: методология юриспруденции, парадигмы научной рациональности, концептуальные структуры в юриспруденции, классическая, неклассическая и постнеклассическая рациональность в юриспруденции, философский уровень познания в юриспруденции, постмодернизм в юриспруденции, синергетика, трансформация объекта и предмета юриспруденции.

© Калинин С.А., 2019

The article examines the methodological problems of jurisprudence, caused by a change in the paradigms of scientific rationality and corresponding to the level of conceptual structures. This level is characterized by problems of understanding the qualitative evolution of knowledge, as well as an appeal to a more abstract, rather than objective, level of understanding of reality. The named level, usually called philosophical, can be based on two genetically different axioms, namely philosophy, including the philosophy of the phenomenon being studied, as well as the philosophy and epistemology of science. At the same time, the difference in the initial axioms determines the difference in the final conclusions for an apparent terminological similarity. At present, philosophy in jurisprudence is mainly represented by postmodernism; the philosophy of law searches for the demarcation line between the philosophical-legal and theoretical-legal knowledge; the philosophy and epistemology of science that has developed within the framework of natural sciences is aimed at analyzing the foundations of models of scientific rationality, applicable, in particular, to the socio-humanitarian sphere.

The legal distancing from classical rationality is represented by two main directions: the overcoming of classical rationality and appeal to the synergy and nonlinear dynamics. For the understanding of the law is enough selection of classical and post-classical type of rationality, while the conjugate with the state of knowledge of social management issues should be allocated classical, non-classical and post-nonclassical types of rationality. The postnonclassical paradigm (synergetics) allows us to consider the existence of unique (historical) open unstable nonlinear hierarchical dynamic complex, attractive self-developing subject systems, included in the sociocultural context, under external chaos and interacting with other subjects and subject systems. As a result, the state and law conceptualized as dynamic organic self-regulating non-equilibrium systems, and in the subject field of law include the idea of philosophy, nonlinear dynamics and mathematical simulation of evolutionary and catastrophic processes that transforms the object and the subject of law and includes in it a number of qualitatively new methodological orientations.

Keywords: methodology of jurisprudence, paradigms of scientific rationality, conceptual structures in jurisprudence, classical, nonclassical and post-nonclassical rationality in jurisprudence, philosophical level of cognition in jurisprudence, postmodernism in jurisprudence, synergetics, transformation of object and subject of jurisprudence.

Одной из важнейших задач в современной юриспруденции признается преодоление концептуально-методологического кризиса, которое может осуществляться как в рамках поиска новых методологических феноменов, так и путем развития самого методологического знания. При этом последнее направление наиболее актуально.

Изучение объекта осуществляется в рамках взаимосвязанных категорий «предмет и метод познания», обладающих качеством *контекстуальности*, то есть социальной и исторической обусловленности и своевременности изучения реальности [1, с. 6; 2, с. 244; 3, с. 139; 4, с. 269; 5, с. 619—636]. Поэтому рассмотрение новых объектов и их опредмеченных проекций, изначально имеющих ситуативный и спонтанный характер, всегда влечет обращение к проблемам методологии, а примененный к объекту метод формирует либо закономерно трансформирует предмет познания, что в дальнейшем актуализирует методологические изыскания уже в рамках сложившихся предметных рамок. При этом вышеназванный процесс объективно осуществляется по двум направлениям, а именно в рамках существующего понятийно-концептуального аппарата либо путем смены парадигм, выдвижения новых идей, понятий, стратегий познания и т. д.

В силу того что предмет никогда не исследуется единственным методом, для обозначения совокупности способов, принципов и стандартов познания используется категория «методология» (греч. *methodos* — путь к чему-либо, прослеживание, исследование), характеризующая установление, формализацию и систематизацию знаний об объекте (предмете), построение концепций, объясняющих генезис, взаимодействие и концептуальную интерпретацию полученных знаний [6, с. 495—497]. Следовательно, под методологией следует понимать заданные гипотезой диалектически связанные (1) совокупность исходных подходов, приемов и операций теоретического и (или) практического познания предмета и (2) учение о способах и приемах теоретического освоения эмпирического материала, которые одновременно могут выступать и результатами, и принципами исследования.

Методология объективно включает в себя несколько типов (уровней) феноменов, а именно: (1) детерминирующие верифицируемость результатов *цели исследователя*; (2) контекстуальная и соответствующая закономерностям теоретического знания *направленность (вектор)* изучения объекта; (3) *исходная гипотеза*, которая в том числе может заимствоваться из иных сфер познания («парадигмальная прививка») и которой в нашем случае является субъектная потребность в адекватном концептуально-методологическом обеспечении, соответствующем уровню «высоких гуманитарных

технологий» и позволяющем преодолеть современный глобальный кризис [7; 8]; (4) выступающие в форме предельных (обобщающих, интегрирующих) детерминирующих любое знание феноменов *концептуальные структуры* [9, с. 390]; (5) совокупность (система) методологических феноменов.

В науке существуют и иные классификации методов юриспруденции (общей теории права). Так, В.М. Сырых в качестве критерия классификации предлагает разработанный диалектической логикой критерий стадий развития теоретического мышления, основанного на эмпирическом базисе (познание единичного факта, научное обобщение, раскрывающие специфические и общие черты исследуемого, его сходство с другими явлениями, познание необходимости, познание внутренней закономерности, выявление всеобщего закона, принципа существования и развития исследуемого). В результате компоненты метода общей теории права могут быть дифференцированы на четыре группы (методы сбора и изучения единичных фактов, методы обобщения, методы научной абстракции, методы познания закономерности), каждая из которых «обеспечивает получение однопорядковых, одноуровневых знаний и в своей совокупности образует нечто единое целое — относительно самостоятельный компонент метода общей теории права» [10, с. 39]. В.М. Сырых верно указывает, что «наиболее полно структура правовых явлений раскрыта на первом и втором уровнях. Наиболее общие связи и зависимости права, составляющие четвертый и частично третий уровень, пока что являются предметом острых научных дискуссий» [10, с. 51].

Таким образом, любой ученый, занимающийся проблемами методологического знания в юриспруденции, должен достаточно четко артикулировать уровень решаемых проблем и задач. На наш взгляд, одной из малоизученных проблем в названной сфере, к которой подспудно и постоянно обращаются юристы-методологи, является уровень концептуальных структур, детерминирующих методологическое и иное знание.

Изучение концептуальных структур объективно аксиоматически и взаимообусловлено предполагает (1) осмысление качественной эволюции стандартов познания, проявляющееся в тенденциях (а) преодоления классической рациональности (в науке не сложился единый подход к наименованию типа парадигмы (парадигм), сменяющего классическую рациональность («неклассический», «посткласcический», «постнеклассический»), соотношение которых в необходимом для нашего исследования контексте будет рассмотрено далее) и (б) актуализации проблем синергетики, самоорганизации и управления в сложных системах [11, с. 115—125], а также (2) обращение к более высокому, чем предметный, и, как правило, именуемому *философским*, уровню восприятия реальности, которому характерно такое осмысление. При этом развертывание каждой из названных аксиом, предопределяющих будущие выводы, порождает ряд тождественно именуемых, но отличающихся сущностью и генезисом направлений.

С вышеизложенным коррелирует верная позиция В.А. Лекторского о том, что рассуждения о преодолении классической эпистемологии имеют разный смысл и сопровождаются разными рекомендациями, при этом разработка неклассической эпистемологии является лишь новым способом разработки классической философской тематики, учитывающим современную социальную, культурную и научную реальность, которая возникает лишь при появлении необходимости переосмысления самих способов постановки проблем и способов решения, что позволяет выявлять ряд новых проблем, новые связи теории познания и других областей философии, науки и культуры в целом [12, с. 7, 103]. Данные идеи, зачастую обоснованные при помощи другой аргументации, признаются и иными учеными [13, с. 9—26; 14—17; 5, с. 578—610; 18, с. 114—168]. Таким образом, для каждой из аксиом и свойственных им закономерностей развития любого методологического знания верно замечание М.А. Можейко о конгруэнтности подходов, использующих различные методологические позиции, при рассмотрении общих проблем [19]. Однако такая конгруэнтность не порождает тождественности выводов, детерминируемых исходными аксиомами *философского уровня,* содержательно проявляющихся в форме (1) *философии,* в том числе философии изучаемого феномена (в нашем случае — философии либо теории права), и (2) *философии и эпистемологии науки.*

Так, *философия* традиционно рассматривается как особая форма познания мира, вырабатывающая систему знаний о базовых принципах и основах бытия. Направленность философии на рациональное создание предельно обобщенной картины мира, описываемой при помощи обобщенных категориальных форм и понятийного аппарата, сближает философию с научным мышлением, в котором также периодически возникают аналогичные проблемы.

Структура философского знания объективно изменяется от первоначально нерасчлененного теоретического знания о мире до появления относительно самостоятельных областей знания [20]. Современная философия представлена *постмодернизмом*, базирующимся на недоверии к утратившим легитимирующее значение метанарративам (метанарративы — это легитимирующие общественный порядок эпохи Модерна концепции предельной общности (теории К. Маркса, Т. Парсонса, П. Сорокина и др.)) и рассматривающим образ мира на основе конвенций (соглашений) научного сообщества [21, с. 10], и сменяющим его *постпостмодернизмом* (After-Postmodernism) [22, с. 7]. Одновременно важной, но небесспорной тенденцией развития правового знания является переосмысление объекта и предмета в контексте различных разделов философии либо взглядов отдельных представителей философского знания [23].

Философский уровень познания в юриспруденции, саморепрезентующий современное состояние как кризисное [24, с. 8], представлен рядом взаимообусловленных направлений, использующих различные методологические стратегии к познанию схожих феноменов и объективно отличающихся получаемыми выводами. Во-первых, на данный уровень концептуализации претендуют такие предметные феномены, как *философия права*, которая, по верному замечанию О.Э. Лейста, будучи основанной на идеалах и ценностях, выступает стремящейся опереться на научную основу идеологией, но не наукой [25, с. 222], и *теория права*, выходящая на уровень философских обобщений в собственном предмете. Во-вторых, философия права объективно может быть рассмотрена в рамках двух взаимосвязанных, но отличающихся исходными методологическими и генетическими аксиомами *философского* и *юридического* уровней. Как правило, для философского уровня познания характерны перенесение философских методов на правовую реальность, «адаптация» философского знания к государственно-правовой среде, «философизация» государственно-правового знания, рассмотрение права в феноменологическом, коммуникативном, антропологическом и иных измерениях и т. д. Обычно к данному уровню познания обращаются как философы, так и воспринявшие идеалы постмодернизма и (или) обратившиеся к философской проблематике юристы [26, с. 1; 27—30]. Юридический уровень философии права, касающийся схожей с теорией права, но взятой в предельном концептуальном обобщении проблематики, направлен на философское осмысление государственно-правовой реальности [31, с. 7; 32, с. 10].

Вышеизложенное позволяет указать на одну из проблем философского осмысления права, заключающуюся в демаркации его философского и теоретического уровней, разграничения предметов философии и теории права, разрешаемую, на наш взгляд, лишь в контексте принципов холизма и дополнительности, позволяющих рассматривать философию права как особую сферу теоретического знания, относящуюся как к философии, так и к праву [33, с. 12; 34, с. 440; 35, с. 26]. С одной стороны, философия изучает право посредством подходов, отличных от стандартов юриспруденции. При этом философское (особенно постмодернистское), в том числе и философско-правовое, знание, зачастую отказывает правоведению в способности выработать надлежащий концептуально-методологический аппарат, позволяющий «вывести правовые ценности, юридические и гражданские практики за пределы локально-временного пространства», стремится навязать юристам собственное *правильное* понимание права [27, с. 3—4; 34, с. 44; 36, с. 3]. С другой стороны, право обладает собственной логикой и мировоззренческой концептуализацией (общеобязательное формальное регулирование наиболее значимых внешних общественных отношений, направленное на успешное разрешение социальных проблем, отсутствие которого может выхолостить и заболтать любые разумные идеи). В современном правоведении таким примером может служить дискуссия теоретика права О.В. Мартышина [37] и философа права А.В. Стовбы [38]. Поэтому мы согласимся с уже неоднократно выраженным мнением о некорректности стремления представителей философского знания, выводы которых противоречат специфике права, монополизировать мировоззренческие правовые обобщения [39], но отметим, что использование философского инструментария в познании права дает качественно новое знание, позволяющее понять глубинные основы права и юриспруденции. Такого рода обобщения характерны для сталкивающихся с ценностно-мировоззренческим конфликтом различных пониманий права и правовой политики судей конституционных судов [40—42] и иных ученых [43].

Предметом *философии и эпистемологии науки*, сложившейся в середине XIX веке на основе осмысления философских оснований естественных наук и обращавшейся в междис-

циплинарном ключе к мировоззренческим и социальным проблемам, является осмысление науки как эпистемологического и социокультурного феномена. В современной философии науки, сопрягаемой с проблемами управления, наиболее ярко проявляются такие направления, как (1) анализ эпистемологических оснований моделей научной рациональности [44; 45; 5] и (2) распространение таких моделей на социальные и гуманитарные науки [46]. Важным достижением философии науки, в настоящее время признанным и философией, и социально-гуманитарными науками, является рефлексия познания, признание воздействия на предмет науки вненаучных факторов и эволюции типов научной рациональности (классический, неклассический, постнеклассический) [16].

В юриспруденции дистанцирование от классической рациональности и переосмысление предмета науки в контексте иных сфер познания в данное время является дискуссионным, но влиятельным направлением, в котором объективно существует ряд использующих различные исходные аксиомы подходов, представленных работами юристов, философов, историков и представителей иных сфер познания, а именно:

1. Преодоление классической рациональности (А.В. Поляков [47], И.Л. Честнов [30], З.Д. Деникина [48], С.И. Максимов [49], А.И. Овчинников [50], В.И. Павлов [51], Ю.Е. Пермяков [52], Н.В. Разуваев [53], А.В. Стовба [29], Е.В. Тимошина [54] и др. [55; 56]);

2. Обращение к синергетике и нелинейной динамике (А.Б. Венгеров [57; 58, с. 36—45], Г.В. Мальцев [59], Ю.Ю. Ветютнев [60], К.В. Шундиков [61] и др. [62; 63; 64, с. 18; 65, с. 27; 66—70]).

3. Актуализация интегративного (интегрального) правопонимания [71—75], осуществляемая, как правило, без рефлексии научной рациональности и, поэтому, излишняя для нашего исследования.

По сути, преодоление классической рациональности в юриспруденции осуществляется в рамках либо (1) *философии*, представленной как *постмодернизмом,* так и обращением *к трудам философов*, либо (2) сопряженной с проблемами управления *философии и эпистемологии науки*, коррелирующей субъектной потребностью в создании адекватного концептуально-методологического обеспечения. На наш взгляд, именно недостаточность исходного анализа изначальных аксиом познания обусловливает отсутствие консенсуса о количестве, сущности и именовании новых типов рациональности; синонимическое использование терминов *«постклассический»* [30] и *«неклассический»* [49]; обоснование позиции об избыточности постнеклассического подхода в теории права и его несоотносимости с историческим развитием теоретико-правового знания [76, с. 21; 77, с. 8—9; 30]. При этом следует отметить заслуживающую внимание позицию Е.В. Тимошиной, основанную на идеях М.А. Можейко [22, с. 7] о необходимости разработки *неоклассического* стиля теоретико-правового мышления как *контрпостмодернистской* научной программы [77, с. 27—29].

Вышеизложенное позволяет утверждать, что обращение к методологии постмодернизма и (или) преимущественное использование философских методов изучения права имплицитно исключает (снижает значимость) государство из предмета юриспруденции, признает право первичным по отношению к государству, делая избыточным выделение постнеклассического уровня познания. Однако использование стандартов соотнесенной с управлением философии и эпистемологии науки и признание государства первичным феноменом по отношению к праву, то есть обращение к *теории государства и права*, объективно предполагают наличие трех парадигм научной рациональности, так как именно постнеклассическая рациональность позволяет противопоставлять субъекта, создающего право, и внешнюю среду, определяющую сущность субъектной самоорганизации. Как верно отмечает В.Л. Романов, социальная самоорганизация включает в себя субъекта управления, действующего в точке бифуркации и одновременно испытывающего воздействие обеспечивающих устойчивость системы и образующих коридор возможных направлений выбора управляющих параметров (вера, культура, язык, менталитет и др.) [78]. Следовательно, адекватное для *теории права* выделение неклассической (постклассической) юриспруденции при расширении предмета исследования органично приобретает роль частной концепции в рамках постнеклассической рациональности, а человекоразмерность права (И.Л. Честнов) наполняется реальным содержанием в контексте субъектности государства [79] либо мировоззренческих аксиом, детерминирующих сущность государства и права [80; 81]. При этом в юриспруденции сложилась и иная парадоксальная тенденция, когда использование постнеклассической парадигмы обосновывается аргументацией постмодернизма, но не философии и эпистемологии науки [56; 26, с. 1; 39].

С вышеизложенным коррелирует обоснованная позиция Н.Н. Тарасова, который, используя иные методологические аксиомы и схему аргументации, прямо указывает, что специфика юриспруденции проявляется как в используемых моделях рациональности, так и в охватываемых видах деятельности. Во-первых, юриспруденция объединяет как минимум три различные интеллектуальные традиции, сформировавшие философское, научно-теоретическое и юридико-догматическое отношение к праву. Во-вторых, юриспруденция, по аналогии с классическим научным позитивизмом, в рамках исследовательского процесса одновременно охватывает теоретическую (работа с понятиями), экспериментальную (интерпретация суждений в категориях социальной практики), инженерно-проектировочную (разработка предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики) и организационно-техническую (внедрение предложений) деятельность [82].

Парадигмы научной рациональности коррелируют с развитием юридического знания, которое в своем развитии прошло этапы от замкнутой, но имманентно детерминированной христианством и потребностями практического регулирования логической системы норм до важнейшей составляющей любого метанарратива и неотъемлемого элемента системы социального управления. Классическая наука, связанная с классическим естествознанием (XVI — конец XIX в.), признав суверенность разума в постижении абсолютной объективной истины и законов (рационализм), использовав идеи метафизического материализма, *простой* системности, а также обратившись к изучению природы как «неповрежденного творения» Бога, породила *механистическую картину (парадигму) мира*. В данной парадигме все явления, в том числе и социальные, были сведены к жестко детерминированным *линейным* взаимодействиям и рассматривались через призму общей механики [83, с. 193—215; 84, с. 511]. Это позволило классической науке, вытеснившей философию и богословие, стать самым авторитетным методом познания и занять место арбитра в обществоведении [4, с. 230], а также в рамках поиска новых секулярных моделей социального управления обосновать суверенность философского человека, предположить существование разумно выводимых и группируемых в кодекс естественных прав личности, выступающих, наряду с гражданским обществом, метафизическим ограничителем власти, рассматривать право в качестве инструмента рационализации жизни социума, выводить социальные феномены из антропологической проблематики [85, с. 361; 86, с. 218—219]. Однако к концу XVIII — началу XIX века данная парадигма утратила адекватность в силу изменения культурно-исторического контекста (свержение «противоречивших» естественным законам «старых режимов» и т. д.).

Связанная с неклассическим естествознанием (конец XIX — первая половина XX в.), неклассическая наука обосновала релятивизм и субъектную детерминированность стандартов познания, их зависимость от типа изучаемых объектов, стала использовать категорию «эволюция», а также обратилась к проблематике *сложных динамических саморегулируемых* систем. Вышеизложенное получило наименование *биолого-органическая картина (парадигма) мира*, позволив изучать социально-исторические, культурные и иные, детерминированные субъектным восприятием феномены.

Впервые к неклассической методологии в юриспруденции обратились Ш.-Л. Монтескье, отметивший взаимообусловленность духа законов рядом факторов, форм правления, размером территории и т. д., и историческая школа, акцентировавшая внимание на эволюционное и стадиальное развитие права и государства, что в дальнейшем породило универсальный принцип историзма. В логике названной парадигмы возникли социологические (О. Конт, Р. Иеринг), органические (Г. Спенсер), психологические (З. Фрейд, Л.И. Петражицкий), социал-дарвинистские и иные теории, стали формироваться концептуальные идеи (метанарративы), претендующие на стадиальное изучение развития человечества (К. Маркс, Ф. Энгельс, М. Вебер, Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, П.А. Сорокин и т. д.). При этом классическая парадигма не утратила свое значение и наиболее ярко проявилась в таких влиятельных политико-правовых направлениях, как либерализм, юснатурализм и позитивизм, имманентно отрицающих правомерность любого несогласного с собой феномена. Отметим, что общая теория права как аналитическая юриспруденция сложилась именно в логике классической парадигмы [1].

В рамках перехода от классической к неклассической рациональности были разработаны такие конкурирующие по вопросу первичности материи либо сознания в интерпретации мироустройства и миропознания («основной вопрос философии» [87]) общефилософские стратегии, как *материализм* (лат. materialis — веще-

ственный) [88] и *идеализм* (фр. idealisme от гр. idea — идея) [89], а также *метафизика* (греч. τα μετα τα φυσικά — «то, что после физики») [90] и *диалектика* (др.-греч. διαλεκτική — искусство спорить, вести рассуждение) [91]. Противопоставление идеализма и материализма стратегий возникло в результате критики в XVIII веке материалистического механицизма с позиции абсолютных идей. Диалектика же, представляющая собой конституируемую как в качестве теории, так и метода философскую концептуализацию развития, поколебала господство метафизической методологии, охватывающей учения о сверхчувственных основах и принципах бытия, признающей единство духовного и материального, бытия и мышления, указывающей на присутствие сверхразума в истории. Наиболее значимыми направлениями диалектики явились *объективный диалектический идеализм* Г.Ф.В. Гегеля, рассматривающий прогрессивное развитие мировой идеи (духа) от простого к сложному, от абстрактного к конкретному и все более полному и истинному результату [92]; а также *диалектический и исторический материализм* (К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, И.В. Сталин), изучающий материю как первичный феномен по отношению к сознанию, имманентно содержащий потенцию эволюции неорганического мира до состояния мира разумных людей, который в дальнейшем должен необратимо трансформироваться в коммунистическое общество, обусловливающий первичность социально-экономического базиса по отношению к надстройке (государство, право, политика, мораль и т. д.) [93, с. 100—129; 94]. В силу притязаний диалектики исключительную научность и способность постигнуть все закономерности развития бытия диалектический и исторический материализм в СССР приобрели статус догматической квазирелигиозной доктрины, оценивая иные идеи с позиции партийности [95, с. 3—5], что обусловило стремление к отказу от диалектического метода в постсоветской науке. Однако более обоснованной представляется позиция П.М. Рабиновича, который, критикуя идею исчерпанности эвристического потенциала диалектики постмодернистской методологией, указывает на сохранение диалектикой универсальной, методологически-эвристической значимости в любом познании; необходимость учета диалектикой выводов новейших подходов и определения их места в своей концептуально-категориальной структуре; фактическое развитие в методологических положениях новых научных направлений фундаментальных положений диалектики относительно специфических видов социальных явлений [96].

Отметим, что жесткий и зачастую политизированный антагонизм идеализма и материализма, диалектики и метафизики, отсутствующий в иных мировоззрениях и культурах, детерминирован историей Запада, в частности, мировоззренческой монополией Римской католической церкви в эпоху Средневековья и необоснованным вторжением ее догматики, post factum квалифицированной в качестве метафизической и идеалистической, в иные предметные сферы. При этом снятие данного антагонизма стало возможным лишь в рамках постнеклассической рациональности. Данная парадигма первоначально была артикулирована в естественных науках в контексте квантовой механики и общей теории относительности (первая треть XX в. — настоящее время), будучи выраженной в принципе дополнительности [97, с. 210], пересмотре роли субъекта, свойства которого детерминируют познание объекта, изучении сложных нелинейных динамических необратимых объектов, включенных в социокультурный контекст, междисциплинарной интеграцией знаний и т. д. [5, с. 578—610] В дальнейшем выделение данного типа научной рациональности было признано философией и управлением [98; 13, с. 9—26; 48; 99; 17; 18, с. 114—168; 100].

В постнеклассической парадигме важнейшую роль играют различающиеся исходными посылками и предметной сферой изначальной артикуляции синергетика и нелинейная динамика [98, с. 163—174]. В основе синергетики лежит признание существования универсальных принципов самоорганизации и коэволюции сложных систем безотносительно к их природе и природе входящих в них подсистем [101, с. 19]. По сути, синергетика (американская наука в этом контексте использует термин «сложность» (*complexity*)) выступает одной из форм закономерного синтеза знаний различных предметных сфер, новым объединяющим принципом формирования целого, порождающим качественно новые результаты в различных областях знания. В итоге синергетика приобрела следующие методологические особенности, а именно: (1) важность первоначальной постановки задачи, предопределяющей выбор методов и целей ее решения и описание исходных данных и прогнозируемой точности решения (зависимость системы от начальных условий); (2) необходимость создания базовой и имитационной моделей изучаемого явления; (3) изучение динамических неустойчивых саморазвивающихся систем [102; 103]. Это

позволяет согласиться с тем, что синергетика, существующая в отличающихся различным уровнем формализации ипостасях науки, методологии и общенаучной картины мира, далеко не исчерпывает постнеклассическую методологию и, имея свою зону ответственности (моделирование сложных саморазвивающихся систем), не может развиваться без философской рефлексии и взаимодействия с иными дисциплинами [104]. Одновременно в методологическом знании существует проблема соотнесения постнеклассической рациональности, синергетики и диалектики. В силу того, что данная проблема не является предметом нашего исследования, присоединимся к той позиции, что диалектика, синергетика и постнеклассика являются конгруэнтными, но сформированными на основе различных предметных посылок методологическими феноменами, имеющими собственную познавательную специфику (диалектика — развитие, синергетика — самоорганизация сложных систем) [105; 106; 96; 107].

Применительно к гуманитарным наукам и проблемам управления постнеклассическая парадигма (синергетика) рассматривает бытие уникальных (исторических) открытых неустойчивых нелинейных иерархичных динамических сложных аттрактивных саморазвивающихся субъектных систем, включенных в социокультурный контекст, находящихся в условиях внешнего хаоса и взаимодействующих с иными субъектами и субъектными системами [5, с. 628—632]. Таким образом, постнеклассическая парадигма выходит за пределы юриспруденции, большинство проблем которой (в логике теорем К. Геделя) находятся вне ее предмета, и рассматривает правоведение, государство и право в качестве составных элементов (следствий) иных глобальных (внешних) феноменов. В результате государство и право осмысливаются как динамические органические саморегулирующиеся неравновесные системы, а в предметное поле юриспруденции включаются идеи философии, нелинейной динамики и математического моделирования эволюционных и катастрофических процессов. Это трансформирует объект и предмет познания правоведения, актуализируя следующие методологические установки, в том числе заимствованные (посредством «парадигмальной прививки») из иных, более широких нежели юриспруденция, сфер познания [108]:

1) государство концептуально рассматривается в качестве открытой неустойчивой уникальной (исторически обусловленной) иерархичной динамической сложной самоорганизующейся системы, осуществляющей целеполагающее саморазвитие в условиях внешних и внутренних вызовов (хаоса);

2) государство приобретает первичное значение по отношению к праву, которое позиционируется одновременно как саморегулирующаяся, направленная на создание рациональной системы социального нормирования и управления, так и регулируемая, отражающая собственную логику, система, государственный инструмент самоорганизации социума;

3) государство и право, несмотря на концептуализацию данных терминов, осмысливаются в исторически уникальном контексте, что повышает значимость истории государства и права в системе юриспруденции;

4) государство и право находятся в рамках объективно существующих внешних закономерностей и исторических длительностей, что обусловливает отказ от идеи исключительной детерминированности социально-исторического развития и включает в предмет правоведения вероятностные или альтернативные пути развития, проблемы верности (адекватности) в исторической перспективе избранных (навязанных) путей развития [109; 110; 111, с. 176].

5) осмысление правовой реальности осуществляется на основании принципов: (а) *оптимальной простоты*, позволяющего согласовывать решение возникающих проблем с субъектными и (или) социальными целями и потребностями; (б) *междисциплинарности*, учитывающего изменение контекста исходных задач при привлечении иных наук; (в) *системного синтеза*, направленного на выявление ключевых переменных и ведущих процессов, определяющих динамику государства и права в избранном временном и пространственном масштабе [112].

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Обращение к проблематике концептуальных структур в юриспруденции объективно предполагает использование методологических феноменов, относящихся к более абстрактному, нежели юридический, уровню осмысления реальности, который обобщенно именуется *философским,* в рамках которого такая проблематика и может артикулироваться.

2. Использование философского уровня познания нуждается в понимании факта, что философское по отношении к юриспруденции может проявляться в качественно и генетически различных исходных посылках, различие которых будет объективно предопределять различие конечных выводов. Содержательно философское может

выводиться из философии, включающей философию отдельных феноменов (применительно к юриспруденции — философии и теории права), а также философии и эпистемологии науки.

3. Использование стандартов философии в настоящее время приводит к переосмыслению объекта и предмета юриспруденции в контексте постмодернизма и (или) воззрений отдельных философов (Ю. Хабермас, М. Хайдеггер и т. д.), а также требует демаркации между философией и юриспруденцией, а затем между философским и теоретическим уровнями (аспектами) последней. Применение стандартов философии и эпистемологии науки, первоначально возникшей в рамках рефлексии над философскими основаниями естественных наук, в настоящее время соотносится с проблемами управления и поиском государством стратегий и надлежащего концептуально-методологического обеспечения выхода из глобального кризиса.

Каждое из вышеназванных направлений обладает собственными стандартами преодоления классической рациональности, выделения количества и определения сущности соответствующих подходов. При этом развитие новоевропейского юридического знания коррелирует с выделяемыми парадигмами и находится в логике закономерности постоянного расширения объекта и предмета юридической науки, а также отражения ею иных внешних по отношению к себе и отличающихся более высоким уровнем обобщения феноменов. Постнеклассическая парадигма позволяет рассматривать государство в качестве открытой, неустойчивой, уникальной, исторически обусловленной, целенаправленной, иерархичной, динамической, сложной, самоорганизуемой системы, а также позиционировать право в качестве государственного инструмента самоорганизации социума. При этом рассмотрение юридического знания в контексте парадигм научной рациональности коррелирует с догматическим, инструментальным и ценностно-мировоззренческим уровнями общей теории права.

Примечания

1. Михайлов А.М. Генезис континентальной юридической догматики: монография. М.: Юрлитинформ, 2012.

2. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Из-во Гуманитарного ун-та, 2001.

3. Радбрух Г. Философия права. М.: Междунар. отношения, 2004.

4. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2004.

5. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 743 с.

6. Швырев В.С. Методология // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / гл. ред. И.Т. Касавин. Москва: Канон+, 2009.

7. Калинин С.А. Об исходных принципах преодоления концептуально-методологического кризиса в юриспруденции // Право.by. 2017. № 5. С. 17—23.

8. Калинин С.А. Об основных направлениях преодоления концептуально-методологического кризиса в юриспруденции: парадигмально-субъективное измерение // Право.by. 2018. № 1. С. 5—12.

9. Швырев В.С. Концептуальные структуры // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / гл. ред. И.Т. Касавин. М.: Канон+, 2009.

10. Сырых В.М. Метод общей теории права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995.

11. Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010.

12. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

13. Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

14. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука, 2010. 283 с.

15. Микешина Л.А. Философия познания: проблемы эпистемологии гуманитарного знания. М.: Канон+, 2009. 559 с.

16. Можейко М.А. Классика — неклассика — постнеклассика — исторические типы философствования // История философии: Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. С. 459—463.

17. Порус В.Н. Рациональность. Наука. Культура. М., 2002. 351 с.

18. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

19. Можейко М.А. Становление теории нелинейных динамик в современной культуре: Сравнит. анализ синергет. и постмодернист. парадигм. Минск: Бел. гос. экон. ун-т, 1999. 294 с.

20. Степин В.С. Философия // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / гл. ред. И.Т. Касавин. М.: Канон+, 2009 С. 1050—1053.

21. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 2013.

22. Можейко М.А. After-Postmodernism // Новейший философский словарь: 3-е изд., испр. / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Минск: Книжный дом, 2003.

23. Неклассическая философия права: вопросы и ответы / С.И. Максимов, Ю.Е. Пермяков, А.В. Поляков [и др.]. Харьков, 2013. 272 с.

24. Честнов И.Л. Право в эпоху постметафизики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 1.

25. Лейст О.Э. Сущность права: Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало-М, 2002.

26. Деникина З.Д. Становление основных философско-правовых парадигм новейшего времени: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2006.

27. Крет О.В. Правовая реальность: онтолого-гносеологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2007. 18 с.

28. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления: монография. Харьков, 2002. 328 с.

29. Стовба А.В. Темпоральная онтология права. СПб.: АЛЕФ-Пресс, 2017. 356 с.

30. Честнов И.Л. Постклассическая теория права = Postclassical theory of law: монография. СПб.: АЛЕФ-Пресс, 2012. 649 с.

31. Нерсесянц В.С. Философия права. М.: Инфра-М Норма, 1997.

32. Мартышин О.В. Философия права: учебник для магистров: право и мораль, нравственные ценности в праве, классические типы понимания права, новые теории права, личность, общество и государство. М.: Проспект, 2017.

33. Алексеев С.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: Философия права и теория права. М.: Статут, 2010.

34. Малахов В.П. Философия права: учебное пособие для вузов. Екатеринбург: Деловая кн.; М.: Акад. проект, 2002.

35. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права): монография. 2-е изд. М.: Аванта+, 2001.

36. Чеботарева Е.И. Онтология права и гражданского общества: философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2007.

37. Мартышин О.В. Об особенностях философско-правовой методологии // Государство и право. 2016. № 6. С. 20—30.

38. Стовба А.В. Об особенностях философско-правовой методологии // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 4. С. 88—101.

39. Родионова О.В. Современные концепции права и научные парадигмы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 2. С. 99—100.

40. Зорькин В.Д. Суть права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 3. С. 4—27.

41. Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма, 2013. 319 с.

42. Данилюк С.Е. Верховенство права как философско-правовая концепция и конституционный принцип: формальные и содержательные аспекты // Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права в нормотворчестве и правоприменении: материалы Междунар. конф., Минск, 27—28 апреля 2017 г. / редкол. Н.А. Карпович [и др.]. Минск: СтройМедиаПроект, 2017. С. 180—188.

43. Калинин С.А., Павлов В.И., Сивец С.М. Правовая политика Республики Беларусь в цивилизационно-культурном контексте (доктринальный и нормативный аспекты) // Право.by. 2014. № 4 (30). С. 25—32.

44. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налетова. М.: Изд-во АСТ, 2009. 317 с.

45. Лакатос И. Методология исследовательских программ: сборник / пер. с англ. М.: АСТ: Ермак, 2003. 380 с.

46. Касавин И.Т. Философия науки // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / гл. ред. И.Т. Касавин. М.: Канон+, 2009. С. 1061—1064.

47. Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник для студентов ун-тов, обучающихся по направлению (специальности) «Юриспруденция». СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 863 с.

48. Деникина З.Д. Неклассическая и постнеклассическая философия права: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГОУ, 2010. 230 с.

49. Максимов С.И. Классическая и неклассическая модели осмысления правовой реальности в контексте коммуникативной парадигмы права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 6. С. 41—54.

50. Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме: монография. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 2002. 285 с.

51. Павлов В.И. Проблемы теории государства и права: учебное пособие. Минск: Академия МВД, 2017. 262 с.

52. Пермяков Ю.Е. Философские основания юриспруденции: монография. Самара: Изд-во Самар. гуманитар. акад., 2005. 246 с.

53. Разуваев Н.В. Современная теория права в поисках постклассической парадигмы познания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 136—153.

54. Тимошина Е.В. Как возможна теория права? Эпистемологические основания теории права в интерпретации Л.И. Петражицкого. М.: Юрлитинформ, 2012. 296 с.

55. Проблемы постсоветской теории и философии права: сборник статей / Московская высш. шк. социальных и экономических наук. М.: Юрлитинформ, 2016. 289 с.

56. Воротилина Т.Л. Постнеклассические тенденции в западной и российской традициях правопонимания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 23 с.

57. Венгеров А.Б., Барабашева Н.С. Нормативная система и эффективность общественного производства. М.: Изд-во МГУ, 1985. 288 с.

58. Венгеров А.Б. Синергетика, юридическая наука, право // Сов. гос-во и право. 1986. № 10.

59. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2013. 800 с.

60. Ветютнев Ю.Ю. Синергетика в праве // Государство и право. 2002. № 4. С. 64—69.

61. Шундиков К.В. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения М.: Юрлитинформ, 2013. 254 с.

62. Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 2010. 478 с.

63. Грунина В.А. Синергетические основы правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 22 с.

64. Демидов А.И. О методологической ситуации в правоведении // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 4.

65. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник. М.: Спарк, 1998.

66. Маик И.С. Фактор синергетики в формировании национальной правовой системы — сравнительно-правовое исследование // Всероссийский журнал научных публикаций. 2015. № 5 (15). С. 53—63.

67. Павлова Ю.В. Правовая энтропия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004. 23 с.

68. Сигалов К.Е. Среда права: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2010. 57 с.

69. Синергетика и право: труды теоретического семинара юридического факультета СПб. ИВЭСЭП. Вып. 5. СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2001. 54 с.

70. Шишкин В.В. Синергетический подход в теории права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 34 с.

71. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. Н.Р. Никоновой. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та; Инфра-М—Норма,1998. 624 с.

72. Дробязко С.Г. Современное правопонимание и его акценты // Право и современность: сборник научных трудов. Минск, 1998. С. 26—30.

73. Графский В.Г. О значении общей (интегральной) юриспруденции в условиях плюрализма права и правовых культур // Юриспруденция XXI века: горизонты развития: очерки / под ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. С. 24—49.

74. Ершов В.В. Анализ интегративного правопонимания с общенаучных позиций // Российское правосудие. 2017. № 5 (133). С. 6—18.

75. Лазарев В.В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда // Журнал российского права. 2017. № 7 (247). С. 5—18.

76. Тимошина Е.В. Теория и социология права Л.И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2013.

77. Тимошина Е.В. Классика, постклассика... неоклассика: к обоснованию контрпостмодернистской программы в теории права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 4 (315).

78. Романов В.Л. Отношения государства и рынка в процессе российских реформ: проблемный аспект // Синергетика. Сайт С.П. Курдюмова. URL: http://spkurdyumov.narod.ru/rooomaaanov.htm (дата обращение: 28.09.2013).

79. Калинин С.А. Субъектный подход: генезис, сущность и место в системе методологии юриспруденции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 2. С. 6—21.

80. Калинин С.А. Мировоззренческие основы организации публичной власти и правовой системы общества: методологический анализ // Основы устойчивого развития национальной правовой системы в XXI столетии: методология, теория, практика: коллективная монография / В.А. Абрамович [и др.]; под ред. В.И. Павлова. Минск: Бизнесофсет, 2016. С. 194—204.

81. Калинин С.А. О закономерностях генезиса и развития антрополого-правового знания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 2. С. 107—135.

82. Тарасов Н.Н. Юридическая наука: «расписание на завтра», или некоторые вопросы «горизонтов развития» юриспруденции XXI века // Юриспруденция XXI века: горизонты развития: очерки / под ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. СПб.: СПб. ун-т МВД России, 2006. С. 65—68.

83. Исторические типы рациональности. Т. 1 / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФРАН, 1995.

84. Иванов В.Г. Механицизм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / гл. ред. И.Т. Касавин. М.: Канон+, 2009.

85. Нерсесянц В.С. Право и закон: Из истории правовых учений. М.: Наука, 1983.

86. Кресін О.В. Становлення теоретичних засад порівняльно-правових досліджень у другій половині XVIII — першій третині XIX століття: компаративна концептуалізація: монографія. Київ: Інститут держави і права ім. В.М. Корецького НАН України; Видавництво «Логос», 2017.

87. Можейко М.А. «Основной вопрос философии» // Новейший философский словарь / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. 3-е изд., испр. Минск: Книжный дом, 2003. С. 723—724.

88. Левин Г.Д. Материализм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / гл. ред. и сост. И.Т. Касавин. М.: Канон+, 2009. С. 472—473.

89. Левин Г.Д. Идеализм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / гл. ред. и сост. И.Т. Касавин. М.: Канон+, 2009. С. 261—262.

90. Можейко М.А. Метафизика // Новейший философский словарь / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. 3-е изд., испр. Минск: Книжный дом, 2003. С. 661—662.

91. Румянцева Т.Г. Диалектика // Новейший философский словарь: 3-е изд., испр. Минск: Книжный дом, 2003. С. 318—319.

92. Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем. М.: Мысль, 1990. 524 с.

93. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. М.: Госполитиздат, 1946.

94. Филатов В.П. Диалектический материализм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / гл. ред. и сост. И.Т. Касавин. М.: Канон+, 2009. С. 188—189.

95. Денисов А.И. Методологические проблемы теории государства и права. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975.

96. Рабінович П. Соціально-антропологічна сутність правових і державних явищ — ядро предмета загальнотеоретичної юриспруденції // Антропологія права: філософський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи): статті учасників Четвертого всеукраїнського «круглого столу», Львів, 28—29 листопада 2008 року. Львів: Край, 2009. С. 230—246.

97. Бажанов В.А. Дополнительности (принцип) // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / гл. ред. и сост. И.Т. Касавин. М.: Канон+, 2009.

98. Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М.: ИФРАН, 1999. 200 с.

99. Малинецкий Г.Г. Синергетика, междисциплинарность и постнеклассическая наука XXI века // Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша. 2013. № 51. 36 с.

100. Эпистемология и постнеклассическая наука: сборник статей / отв. ред. В.И. Аршинов. М.: ИФРАН, 1992. 157 с.

101. Хакен Г. Синергетика. Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах / пер. с англ. Ю.А. Данилова; под ред. Ю.Л. Климонтовича. М.: Мир, 1985.

102. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М.: Наука, 1994. 229 с.

103. Чернавский Д.С. Методологические основы синергетики и ее применения // Методологические основы синергетики и ее социальные аппликации: материалы научного семинара. Вып. № 1. М.: Научный эксперт, 2010. С. 68—71.

104. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке: принципы и перспективы // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Миръ», 2009. С. 361—396.

105. Венгеров А.Б. Синергетика и политика // Общественные науки и современность. 1993. № 4. С. 55—69.

106. Поддубный Н.В. Синергетика: диалектика самоорганизующихся систем. Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 1999. 351 с.

107. Швырев В.С. Как нам относиться к диалектике? // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 152—158.

108. Ахромеева Т., Малинецкий Г., Посашков С. Современная экономика. Взгляд с позиций компьютерного моделирования и системного анализа // Журнал личной и коллективной безопасности. Безопасность Евразии. 2002. № 2 (8). С. 22—27.

109. Майнцер К. Сложность и самоорганизация // Вопросы философии. 1997. № 3. С. 48—62.

110. Сорокин В.В. Теория государства и права переходного периода: учебник. Новосибирск: Изд-во НГИ, 2008. 548 с.

111. Теория государства и права: учебник / А.Г. Бережнов [и др.]; под ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало: Изд-во Моск. ун-та, 2004.

112. Матарас В.Н. Синтез наук и масштаб объекта в исследовании социогенеза государства // Право.by. 2017. № 5. С. 24—29; Право.by. 2017. № 6. С. 15—20.

References

1. Mikhailov A.M. The Genesis of continental legal dogmatics: a monograph. Moscow: Yurlitinform Publ., 2012. (In Russ.)

2. Tarasov N.N. Methodological problems of legal science. Yekaterinburg: Humanitarian university Publ., 2001. (In Russ.)

3. Radbruch G. Philosophy of law. Moscow: International relations Publ., 2004. (In Russ.)

4. Wallerstein I. the End of the familiar world: Sociology of the XXI century. Moscow: Logos Publ., 2004. (In Russ.)

5. Stepin V.S. Theoretical knowledge. Moscow: Progress-Tradition Publ., 2003. 743 p. (In Russ.)

6. Shvyrev V.S. Methodology. *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science / ch. ed. I.T. Kasavin*. Moscow: Kanon+ Publ., 2009. (In Russ.)

7. Kalinin S.A. On the initial principles of overcoming the conceptual and methodological crisis in jurisprudence. *Pravo.by*, 2017, no. 5, pp. 17—23. (In Russ.)

8. Kalinin S.A. on the main directions of overcoming the conceptual and methodological crisis in jurisprudence: paradigm-subjective dimension. *Pravo.by*, 2018, no. 1, pp. 5—12. (In Russ.)

9. Shvyrev V.S. Conceptual structures. *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science / ch. ed. I.T. Kasavin*. Moscow: Kanon+ Publ., 2009. (In Russ.)

10. Syrykh V.M. Method General theory of law. Author's abstract... doctor of legal sciences. Moscow, 1995. (In Russ.)

11. Lepsky V.E. Reflexive-active environments of innovative development. Moscow: Kogito-Center Publ., 2010. (In Russ.)

12. Lectorsky V.A. Epistemology classical and non-classical. Moscow: Editorial URSS Publ., 2001. (In Russ.)

13. Gaidenko P.P. Scientific rationality and philosophical reason. Moscow: Progress-Tradition Publ., 2003. (In Russ.)

14. Mamardashvili M.K. Classical and non-classical ideals of rationality. St. Petersburg: Azbuka Publ., 2010. 283 p. (In Russ.)

15. Mikeshina L.A. Philosophy of knowledge: problems of epistemology of humanitarian knowledge. Moscow: Kanon+ Publ., 2009. 559 p. (In Russ.)

16. Mozheiko M.A. Classic-non-classical-post-non-classical-historical types of philosophizing. *History of*

philosophy: encyclopedia. Minsk: Interpresservis; Book House Publ., 2002. Pp. 459—463. (In Russ.)

17. Porus V.N. Rationality. The science. Culture. Moscow, 2002. 351 p. (In Russ.)

18. Shvyrev V.S. Rationality as the value of culture. Tradition and modernity. Moscow: Progress-Tradition Publ., 2003. (In Russ.)

19. Mozheiko M.A. Formation of the theory of non-linear dynamics in modern culture: Compare. synergy analysis. and postmodern. paradigms'. Minsk: Bel. state econ. un., 1999. 294 p. (In Russ.)

20. Stepin V.S. Philosophy. *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science / ch. ed. I.T. Kasavin*. Moscow: Kanon+ Publ., 2009. Pp. 1050—1053. (In Russ.)

21. Liotar J.F. The postmodern condition. St. Petersburg: Aleteia Publ., 2013. (In Russ.)

22. Mozheiko M.A. After-Postmodernism. The Newest philosophical dictionary: 3rd ed., rev. / chief scientific. ed. and comp. A.A. Gritsanov. Minsk: Book house Publ., 2003. (In Russ.)

23. Maksimov S.I., Permyakov Yu.Ye., Polyakov A.V. [and others]. Non-classical philosophy of law: questions and answers. Kharkov, 2013. 272 p. (In Russ.)

24. Chestnov I.L. Law in the era of post-metaphysics. *News of higher educational institutions. Jurisprudence*, 2017, no. 1. (In Russ.)

25. Leist O.E. The Essence of law: Problems of theory and philosophy of law. Moscow: Zertsalo-M Publ., 2002. (In Russ.)

26. Denikina Z.D. Formation of the main philosophical and legal paradigms of modern times. Author's abstract... doctor of philosophical sciences. Moscow, 2006. (In Russ.)

27. Kret O.V. Legal reality: ontological-epistemological analysis. Author's abstract... candidate of philosophical sciences. Tambov, 2007. 18 p. (In Russ.)

28. Maximov S.I. Legal reality: experience of philosophical understanding: monograph. Kharkov, 2002. 328 p. (In Russ.)

29. Stovba A.V. Temporal ontology of law. St. Petersburg: ALEF-Press Publ., 2017. 356 p. (In Russ.)

30. Chestnov I.L. Postclassical theory of law = Postclassical theory of law: monograph. St. Petersburg: ALEF-Press Publ., 2012. 649 p. (In Russ.)

31. Nersesyants V.S. Philosophy of law. Moscow: Infra-M Norma Publ., 1997. (In Russ.)

32. Martyshin O.V. Philosophy of law: textbook for masters: law and morality, moral values in law, classical types of understanding of law, new theories of law, personality, society and state. Moscow: Prospect Publ., 2017. (In Russ.)

33. Alekseev S.S. Collected works: in 10 vol. Vol. 7: Philosophy of law and theory of law. Moscow: Statute-Publ., 2010. (In Russ.)

34. Malakhov V.P. Philosophy of law: textbook for universities. Ekaterinburg: Business book. Publ.; Moscow: Akad. project Publ., 2002. (In Russ.)

35. Kerimov D.A. Methodology of law (subject, functions, problems of philosophy of law): monograph. 2nd ed. Moscow: Avanta+ Publ., 2001. (In Russ.)

36. Chebotareva E.I. Ontology of law and civil society: philosophical analysis. Author's abstract... candidate of philosophical sciences. Saratov, 2007. (In Russ.)

37. Martyshin O.V. About the features of philosophical and legal methodology. *State and law*, 2016, no. 6, pp. 20—30. (In Russ.)

38. Stovba A.V. On the features of philosophical and legal methodology. *Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence*, 2017, no. 4, pp. 88—101. (In Russ.)

39. Rodionova O.V. Modern concepts of law and scientific paradigms. *Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence*, 2016, no. 2, pp. 99—100. (In Russ.)

40. Zorkin V.D. The Essence of law. *Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence*, 2017, no. 3, pp. 4—27. (In Russ.)

41. Gadzhiev G.A. Ontology of law: (a critical study of the legal concept of reality). Moscow: Norma Publ., 2013. 319 p. (In Russ.)

42. Danyluk S.E. The Rule of law as a philosophical and legal concept and constitutional principle: formal and substantive aspects. *The Role of constitutional control bodies in ensuring the rule of law in rule-making and law enforcement: proceedings of the international court of justice. conf., Minsk, April 27—28, 2017 / ed. board N.A. Karpovich [et al.]*. Minsk: StrojMediaProekt Publ., 2017. Pp. 180—188. (In Russ.)

43. Kalinin S.A., Pavlov V.I., Sivets S.M. Legal policy of the Republic of Belarus in the civilizational and cultural context (doctrinal and normative aspects). *Pravo.by*, 2014, no. 4 (30), pp. 25—32. (In Russ.)

44. Kun T. The Structure of scientific revolutions / transl. from Engl. I.Z. Naletov. Moscow: AST Publ., 2009. 317 p. (In Russ.)

45. Lakatos I. Methodology of research programs: collection / transl. from Engl. Moscow: AST, Ermak Publ., 2003. 380 p. (In Russ.)

46. Kasavin I.T. Philosophy of science. *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science / ch. ed. I.T. Kasavin*. Moscow: Kanon+ Publ., 2009. Pp. 1061—1064. (In Russ.)

47. Polyakov A.V. General theory of law: problems of interpretation in the context of a communicative approach: a textbook for university students studying in the direction (specialty) "Jurisprudence". St. Petersburg: Publ. house St. Petersburg state University, 2004. 863 p. (In Russ.)

48. Denikina Z.D. Non-classical and post-non-classical philosophy of law: monograph. 2nd ed., rev. and exp. Moscow: Publishing house of Moscow Region State University, 2010. 230 p. (In Russ.)

49. Maximov S.I. Classical and non-classical models of understanding legal reality in the context of the communicative paradigm of law. *Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence*, 2014, no. 6, pp. 41—54. (In Russ.)

50. Ovchinnikov A.I. Legal thinking in the hermeneutical paradigm: monograph. Rostov on Don: Publishing house of Rostov. Un., 2002. 285 p. (In Russ.)

51. Pavlov V.I. Problems of the theory of state and law: textbook. Minsk: Academy of the Ministry of internal AffairsPubl., 2017. 262 p. (In Russ.)

52. Permyakov Yu.E. Philosophical foundations of law: monograph. Samara: Samara Humanitarian Academy Publ., 2005. 246 p. (In Russ.)

53. Razuvaev N.V. Modern theory of law in search of a postclassical paradigm of knowledge. *Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence*, 2014, no. 5 (316), pp. 136—153. (In Russ.)

54. Timoshina E.V. How is the theory of law possible? Epistemological foundations of the theory of law in the interpretation of L.I. Petrazhitsky. Moscow: Yurlitinform Publ., 2012. 296 p. (In Russ.)

55. Problems of post-Soviet theory and philosophy of law: collection of articles / Moscow Higher School of Social and Economic Sciences. Moscow: Yurlitinform Publ., 2016. 289 p. (In Russ.)

56. Vorotilina T.L. post-non-Classical tendencies in Western and Russian traditions of legal understanding. Author's abstract... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2002. 23 p. (In Russ.)

57. Vengerov A.B., Barabasheva N.S. Normative system and efficiency of social production. Moscow: Moscow state University, 1985. 288 p. (In Russ.)

58. Vengerov A.B. Synergetics, the science of law, law. *Soviet state and law*, 1986, no. 10. (In Russ.)

59. Maltsev G.V. Social bases of law. Moscow: Norma Publ., 2013. 800 p. (In Russ.)

60. Vetyutnev Yu.Yu. Synergetics in law. *State and law*, 2002, no. 4, pp. 64—69. (In Russ.)

61. Shundikov K.V. Synergetic approach in law. Problems of methodology and experience of theoretical application. Moscow: Yurlitinform Publ., 2013. 254 p. (In Russ.)

62. Gadzhiev K.S. Geopolitical horizons of Russia: contours of the new world order. 2nd ed., rev. and exp. Moscow: Economy Publ., 2010. 478 p. (In Russ.)

63. Grunina V.A. Synergetic principles of legal regulation. Author's abstract... candidate of legal sciences. Vladimir, 2006. 22 p. (In Russ.)

64. Demidov A.I. On the methodological situation in law. *Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence*, 2001, no. 4. (In Russ.)

65. Lazarev V.V., Lipen S.V. Theory of state and law: textbook. Moscow: Spark Publ., 1998. (In Russ.)

66. Maik I.S. Factor of synergetics in the formation of the national legal system-comparative legal research. *All-Russian journal of scientific publications*, 2015, no. 5 (15), pp. 53—63. (In Russ.)

67. Pavlova Yu.V. Legal entropy. Author's abstract... candidate of legal sciences. Vladimir, 2004. 23 p. (In Russ.)

68. Sigalov K.E. Environment of law. Author's abstract... doctor of legal sciences. Moscow, 2010. 57 p. (In Russ.)

69. Synergetics and law: proceedings of the theoretical seminar of the faculty of law of St. Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law. Vol. 5. St. Petersburg: Knowledge Publ., 2001. 54 p. (In Russ.)

70. Shishkin V.V. Synergetic approach in the theory of law. Author's abstract... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2007. 34 p. (In Russ.)

71. Berman G.Dzh. The Western tradition of law: the epoch of formation / transl. from Engl. N.R. Nikonova. 2nd ed. Moscow: Infra-M-Norma Publ.,1998. 624 p. (In Russ.)

72. Drobyazko S.G. Modern legal understanding and its accents. *Law and modernity: collection of scientific works*. Minsk, 1998. Pp. 26—30. (In Russ.)

73. Grafsky V.G. On the meaning of General (integral) jurisprudence in the conditions of pluralism of law and legal cultures. *Jurisprudence of the* 21 century: horizons of development: essays / ed. by R.A. Romashov, N.S. Nizhnik. St. Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia Publ., 2006. Pp. 24—49. (In Russ.)

74. Yershov V.V. Analysis of integrative law understanding from General scientific positions. *Russian justice*, 2017, no. 5 (133), pp. 6—18. (In Russ.)

75. Lazarev V.V. Integration of law and implementation of integrative approaches to law in a court decision. *Journal of Russian Law*, 2017, no. 7 (247), pp. 5—18. (In Russ.)

76. Timoshina E.V. Theory and sociology of law by L.I. Petrazhitsky in the context of classical and postclassical law understanding. Author's abstract... doctor of legal sciences. Moscow, 2013. (In Russ.)

77. Timoshina E.V. Classics, post-classics... neoclassics: to substantiate the counter-postmodern program in the theory of law. *Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence*, 2014, no. 4 (315). (In Russ.)

78. Romanov V.L. Relations of the state and the market in the process of Russian reforms: problem aspect. *Synergetics. Website of S.P. Kurdyumov*. URL: http://spkurdyumov.narod.ru/rooomaaanov.htm (accessed 28.09.2013). (In Russ.)

79. Kalinin S.A. Subject approach: genesis, essence and place in the system of methodology of jurisprudence. *Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence*, 2015, no. 2, pp. 6—21. (In Russ.)

80. Kalinin S.A. World Outlook foundations of the organization of public power and the legal system of society: methodological analysis. *Fundamentals of sustainable development of the national legal system in the 21 century: methodology, theory, practice: a collective monograph / V.A. Abramovich [et al.]; ed. by V.I. Pavlov*. Minsk: Biznesofset Publ., 2016. Pp. 194—204. (In Russ.)

81. Kalinin S.A. On regularities of Genesis and development of anthropological and legal knowledge. *Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence*, 2017, no. 2, pp. 107—135. (In Russ.)

82. Tarasov N.N. Legal science: “schedule for tomorrow”, or some questions of “development horizons” of jurisprudence of the 21 century. *Jurisprudence of the 21 century: development horizons: essays / ed. by R.A. Romashov, N.S. Nizhnik*. St. Petersburg: St. Petersburg University of the MIA of Russia, 2006. Pp. 65—68. (In Russ.)

83. Historical types of rationality. Vol. 1 / executive ed. V.A. Lectorsky. Moscow: IFRAN Publ., 1995. (In Russ.)

84. Ivanov V.G. Mechanizm. *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science / ch. ed. I.T. Kasavin*. Moscow: Kanon+ Publ., 2009. (In Russ.)

85. Nersesyants V.S. Law and law: From the history of legal teachings. Moscow: Nauka Publ., 1983. (In Russ.)

86. Kresin O.V. Formation of theoretical foundations of comparative legal research in the second half of the 18 — first third of the 19 century: comparative conceptualization: monograph. Kiev: Logos Publ., 2017. 680 p. (In Ukrainian.)

87. Mozheyko M.A. “Fundamental question of philosophy”. *Newest philosophical dictionary / chief scientific. ed. and comp. A.A. Gritsanov*. 3rd ed., rev. Minsk: Book house Publ., 2003. Pp. 723—724. (In Russ.)

88. Levin G.D. Materialism. *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science / ch. ed. I.T. Kasavin*. Moscow: Kanon+ Publ., 2009. Pp. 472—473. (In Russ.)

89. Levin G.D. Idealism. *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science / ch. ed. I.T. Kasavin*. Moscow: Kanon+ Publ., 2009. Pp. 261—262. (In Russ.)

90. Mozheyko M.A. Metaphysics. *Newest philosophical dictionary / chief scientific. ed. and comp. A.A. Gritsanov*. 3rd ed., rev. Minsk: Book house Publ., 2003. Pp. 661—662. (In Russ.)

91. Rumyantseva T.G. Dialectics. *Newest philosophical dictionary / chief scientific. ed. and comp. A.A. Gritsanov*. 3rd ed., rev. Minsk: Book house Publ., 2003. Pp. 318—319. (In Russ.)

92. Hegel G.V.F. Philosophy of law / transl. from German. Moscow: Thought Publ., 1990. 524 p. (In Russ.)

93. History of the all-Union Communist party (Bolsheviks): a Short course. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1946. (In Russ.)

94. Filatov V.P. Dialectical materialism. *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science / ch. ed. I.T. Kasavin*. Moscow: Kanon+ Publ., 2009. Pp. 188—189. (In Russ.)

95. Denisov A.I. Methodological problems of the theory of state and law. Moscow: Moscow University Publ., 1975. (In Russ.)

96. Rabinovich P. Socio-anthropological essence of legal and state phenomena-the core of the subject of General theoretical jurisprudence. *Anthropology of law: philosophical and legal dimensions (state, problems, prospects): articles of participants of the Fourth all-Ukrainian “round table”, Lviv, 28—29 November 2008*. Lviv: Kray Publ., 2009. Pp. 230—246. (In Ukrainian.)

97. Bazhanov V.A. Subsidiarity (the principle). *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science / ch. ed. I.T. Kasavin*. Moscow: Kanon+ Publ., 2009. (In Russ.)

98. Arshinov V.I. Synergetics as a phenomenon of post-non-classical science. Moscow: IFRAN Publ., 1999. 200 p. (In Russ.)

99. Malinetsky G.G. Synergetics, interdisciplinarity and post-non-classical science of the 21 century. *Preprints of IPM named after M.V. Keldysh*, 2013, no. 51, 36 p. (In Russ.)

100. Epistemology and post-non-classical science: a collection of articles / executive ed. by V.I. Arshinov. Moscow: IFRAN Publ., 1992. 157 p. (In Russ.)

101. Haken G. Synergetics. Hierarchy of instabilities in self-organizing systems and devices / transl. from English Yu.A. Danilov; ed. by Yu.L. Klimontovich. Moscow: Mir Publ, 1985. (In Russ.)

102. Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. Laws of evolution and self-organization of complex systems. Moscow: Nauka Publ., 1994. 229 p. (In Russ.)

103. Chernavsky D.S. Methodological bases of synergetics and its application. *Methodological bases of synergetics and its social applications: materials of the scientific seminar*. Issue no. 1. Moscow: Scientific expert Publ., 2010. Pp. 68—71. (In Russ.)

104. Budanov V.G. Methodology of synergetics in post-non-classical science: principles and prospects. *Post-non-Classical: philosophy, science, culture*. St. Petersburg: Mir Publ., 2009. Pp. 361—396. (In Russ.)

105. Vengerov A.B. Synergetics and politics. *Social Sciences and modernity*, 1993, no. 4, pp. 55—69. (In Russ.)

106. Poddubny N.V. Synergetics: dialectics of self-organizing systems. Belgorod: Publishing house of Belgorod state University, 1999. 351 p. (In Russ.)

107. Shvyrev V.S. How do we relate to dialectics? *Question of philosophy*, 1995, no. 1, pp. 152—158. (In Russ.)

108. Akhromeeva T., Malinetsky G., Posashkov S. Modern economy. View from the positions of computer modeling and system analysis. *Journal of personal and collective security. Security of Eurasia*, 2002, no. 2 (8), pp. 22—27. (In Russ.)

109. Mainzer K. Complexity and self-organization. *Questions of philosophy*, 1997, no. 3, pp. 48—62. (In Russ.)

110. Sorokin V.V. Theory of state and law of the transition period: textbook. Novosibirsk: NGI Publ., 2008. 548 p.

111. Berezhnov A.G. [et al.] Theory of state and law: textbook / ed. by M.N. Marchenko. Moscow: Zertsalo: Moscow university Publ., 2004. (In Russ.)

112. Mataras V.N. Synthesis of Sciences and the scale of the object in the study of sociogenesis of the state. *Pravo.by*, 2017, no. 5, pp. 24—29; *Pravo.by*, 2017, no. 6, pp. 15—20. (In Russ.)